

ПОДРОБНОСТИ

Елена ГЛАВАЦКАЯ,
кандидат исторических наук

ПО СЛЕДАМ «ЗАБЫТОЙ» ЭКСПЕДИЦИИ

Приполярная перепись в Северо-Западной Сибири

ПОДГОТОВКА ПЕРЕПИСИ

Шел 1925 год. Страна готовилась к первой Всесоюзной переписи. Север благодаря специфике территории и населения был выделен в отдельный переписной район, и только там, помимо демографической переписи, было решено еще и обследовать все хозяйства и поселения, собрать сведения об их бюджете, торговле, промыслах, санитарном состоянии. Проведение переписи на территории Уральской области, в состав которой входили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, поручалось Уральской экспедиции. Подготовкой занимались основательно. Прежде всего были сделаны запросы в районные исполкомы о количестве населенных пунктов и расстояниях между ними. Позднее, правда, выяснилось, что полученные сведения не соответствовали действительности. Особенно разнились данные по Сургутскому району: вместо указанных 135 селений переписчики обнаружили 228, а маршрут движения экспедиции, определенный в 7420 верст, растянулся на 11 371.

Для проведения переписи были созданы экспедиции, которые, следуя по предварительно разработанному маршруту, должны были лично переписать все население Тобольской губернии. Регистраторам предстояло заполнить «Похозяйственную карточку» — бланк, состоявший из 405 граф-вопросов, и «По-

селенный бланк» на 32 страницах, а также собрать сведения о бюджете кочевых хозяйств. Для этого была предложена шкала деления хозяйств оленеводов-кочевников на пять групп в зависимости от их благосостояния. Оленеводы, имевшие более 1500 оленей, считались «богачами», хозяева стада свыше 500 голов — «зажиточными», владельцы 100–500 оленей — «малооленными», те, кто имел менее 100 оленей, — «бедняками». В отдельную группу зачислялись «безоленные». Бюджетное обследование должно было проводиться выборочно, из расчета 5 хозяйств богачей, 10 хозяйств зажиточных и по 15–20 малооленных, бедняков и безоленных. В итоге по Тобольскому округу было составлено 28 бюджетных описаний хозяйств жителей Обдорского, Березовского, Сургутского и Кондинского районов. Регистрировалось все имущество, от оленей и промыслового инвентаря до одежды и кухонной посуды. Учету подлежали продукты промысла, рабочее время, затраченное на разные виды работ мужчинами и женщинами, обстановка в доме, пища и способы ее употребления — в сыром или вареном виде.

Безусловно, Приполярная перепись на Севере имела много особенностей, которые не учитывались в бланках, подготовленных для Всесоюзной переписи. В «Похозяйственную карточку» для народов Севера были введены специальные

графы для учета оседлого и кочевого населения и мест сезонных стойбищ, а сотрудники Уральской экспедиции внесли еще категорию «полуседлых», исходя из специфики хозяйства хантов и манси. К традиционной графе «ФИО» была добавлена «Прозвище», поскольку многие северяне продолжали сохранять свои традиционные имена.

«РАЗВЕДКА БОЕМ»: ПЕРВЫЙ ОПЫТ РЕГИСТРАЦИИ

Совершенно неожиданным для регистраторов оказалось негативное отношение населения к проведению переписи, с которым им пришлось столкнуться сразу, как только началась регистрация. В официально распространявшуюся версию о том, что государство организует все это для того, чтобы улучшить снабжение в крае, верили немногие. Северяне, пережившие ужасы Гражданской войны, боялись, что перепись задумали для привлечения их к воинской повинности. Проведение пробной переписи позволило снять ряд возникавших по ходу работы проблем в рабочем порядке. В частности, для того чтобы избежать путаницы при регистрации, было предложено «всем переписанным туземцам ...выдавать особые билеты, чтобы один человек не был записан дважды, что легко может случиться вследствие кочевого образа жизни туземцев».

Семья манси на Оби. Фотография сделана участниками переписи.

Найти регистраторов для проведения переписи также оказалось делом не простым. Вербовать сотрудников за пределами округа и перебрасывать их на Север было дорого, а на местах специалистов требуемой квалификации не хватало. Чтобы решить эту проблему, обратились в Окружное Политуправление с просьбой разрешить нанять для проведения регистрации ссыльных. В письме от 31 мая 1926 года заведующий отделом переписей П. Ф. Неволин писал: «Принимая во внимание, что вышеуказанные районы являются местами расселения ссыльных и среди них могут быть лица, по своим познаниям и профессии удовлетворяющие цензу, который будет предъявлен к работникам переписи, было бы полезным для дела переписи и выгодным по финансовым соображениям использование ссыльных и тех именно из них, которые бы в отношении заданий им отвечали вышеуказанным требованиям, а с другой стороны — использование их не противоречило правилам надзора». В Березовский район руководить переписью пригласили административно ссыльного Г. А. Горского, статистика по специальности, участника переписи 1920 года, в Самаровский — П. М. Андреева, юриста, уже отбывшего срок административной ссылки.

План проведения переписи состоял из двух частей: регистрации промыслового и кочевого населения Тобольского Севера. Территория «промыслового севера» была разделена на пять переписных районов: Обдорский, Березовский, Самаровский, Кондинский и Сургутский. Кроме

Шаман гадает.

того, уже в ходе работы было принято решение провести регистрацию населения северной части Уватского района — селений по рекам Демьянке и Салыму. К части «кочевого туземного населения» относились жители Полярного Урала, полуостровов Ямал, Гыданский, Ныдский (Обско-Тазовская земля) и территория к северу по р. Надым, Пур и Таз. Их регистрацией должны были заниматься четыре партии-экспедиции.

Казалось, что предусмотрели все. Но действительность преподносила свои неожиданности. Перепись в Кондинском районе началась с опозданием из-за позднего установления санного пути. В Сургутском районе обнаружилось значительное количество неучтенных лесных ненцев.

Ямальская экспедиция подверглась нападению волчьей стаи, разогнавшей оленей по тундре, что вызвало дополнительную задержку около пяти дней. Чтобы избежать потери рабочего времени, ее руководитель Владимирцев и один из регистраторов отправились дальше, к факториям в районе р. Щучьей, на одних легких нартах без чума. Здесь-то и проявился в полной мере недостаток регистраторов. Во время прохода кочевников через фактории там одновременно оказывалось столько людей, что регистраторы не успевали их переписать. В результате переводчику Зотову поручили самостоятельную регистрацию, а для перевода наняли сотрудников факторий.

Начальнику Тазовской партии П. П. Иорданскому пришлось столкнуться с проблемой транспорта. Бушевавшая в

районе эпизоотия не позволяла рассчитывать на легкость найма оленьих упряжек. Партии предложили использовать стадо, выделенное постановлением Обдорского РИКа для раздачи населению, пострадавшему от падежа оленей. Однако «государственные» олени оказались настолько истощенными, что нуждались в продолжительном отдыхе или замене.

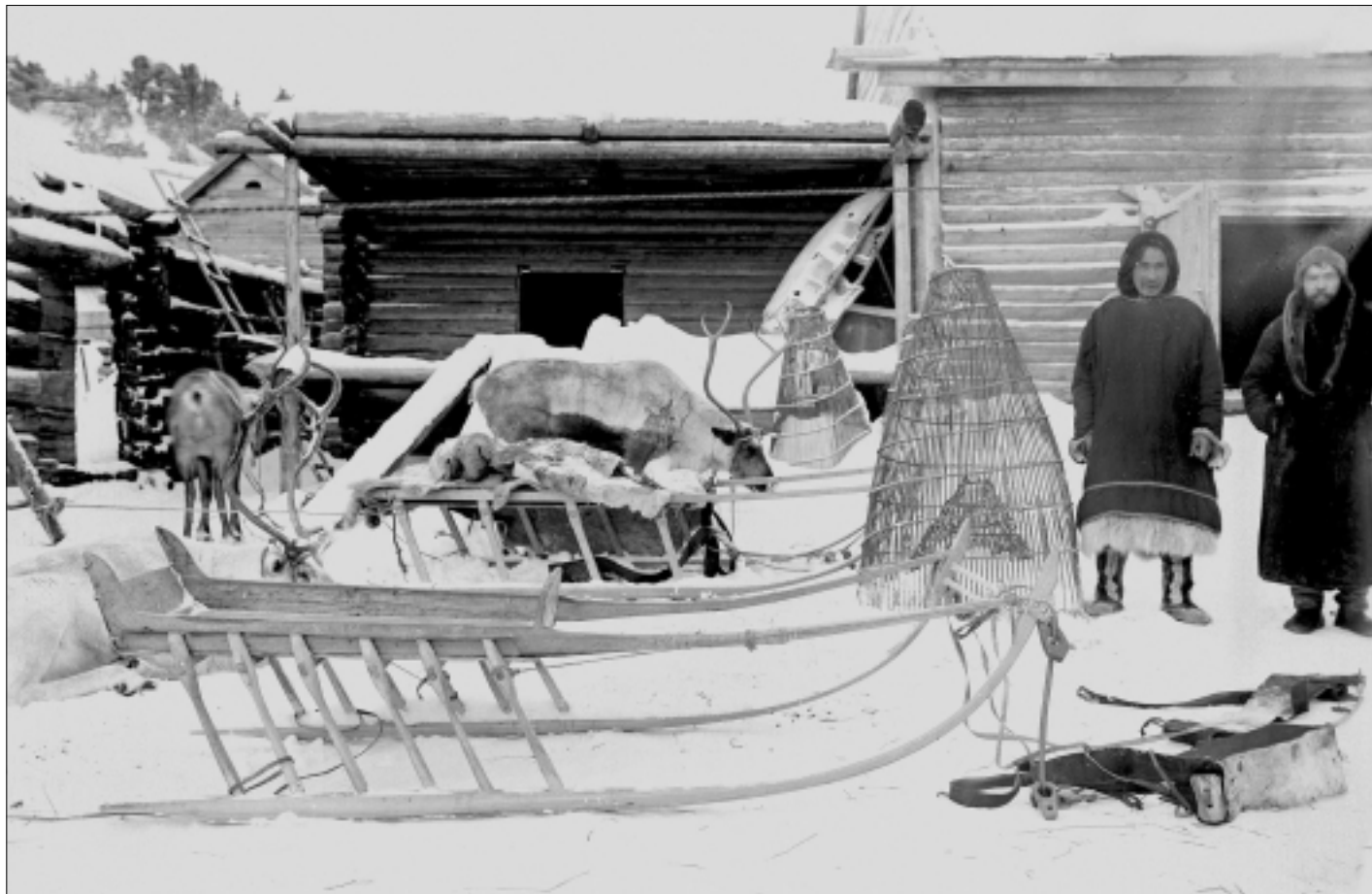
Начальник Надымо-Полуйской партии, сотрудница Музея этнографии в Ленинграде Раиса Павловна Митусова прибыла в Обдорск только во второй половине декабря 1926 года, так что регистраторам — студентке-этнографу Ленинградского госуниверситета Н. А. Котовщиковой и корреспонденту газеты «Уральский рабочий» Юркевич пришлось выехать в тундру и приступить к работе самостоятельно. Двое нанятых местных жителей на своих оленях перевозили регистраторов Надымо-Полуйской партии, предоставляли им свои чумы для ночлега и работали переводчиками. Котовщиковой поручили по возможности дойти до окрестностей озера Нум-

то, чтобы поработать хотя бы с частью лесных ненцев. Остальных должен был переписать регистратор Тазовской экспедиции П. Бржезинский. Трудно понять, чем руководствовались организаторы, посылая девушку в район священного озера Нумто, куда и сейчас не всякого мужчину пустят. Как бы то ни было, осуществить план регистрации лесных ненцев в полной мере не удалось. Реальные расстояния между населенными пунктами оказались значительно больше, чем предполагалось при планировании маршрута, а снежные заносы усложняли продвижение. В результате часть лесных ненцев, кочующих в вершинах Казыма, Агана и Тромъегана, всего около 15–30 хозяйств, так и не была переписана. Возможно, именно это спасло их от коллективизации и сопровождавших ее репрессий. Во всяком случае, именно эта группа ненцев оказала наибольшее сопротивление мероприятиям Советской власти в начале 1930-х годов и активно участвовала в знаменитом Казымском восстании.

Каждый из сотрудников переписных тундровых партий снабжался определенным набором продуктов из расчета

«Праздник медведя» у манси на Приполярном Урале.

Ханты у оленных нарт.

на месяц. Пакет включал мороженный хлеб, мясо, копчености, крендели, крупы, масло, чай, сахар, карамель, компот, горчицу, лавровый лист, перец, соль, уксус, махорку, курительную бумагу, мыло, лимонную кислоту и клюквенный экстракт от цинги. Регистраторы часто обменивались выданными продуктами с теми, кого переписывали, и получали от них взамен свежее мясо и рыбу. Регистратору и переводчику на двоих полагались бутылка хлебного вина и походная аптечка. Позднее в своем отчете о переписи Шульц отмечал: «...Крайне желательно более обильное снабжение всего регистраторского персонала медикаментами, с расчетом их не только на собственное потребление, но и на оказание помощи (конечно, только в простейших случаях) регистрируемым. Весьма часто такое снабжение лекарствами создавало сразу благоприятные условия для работы».

В целом, согласно отчету руководителя, регистраторов встречали вполне благожелательно, только в единичных случаях люди отказывались от переписи, но в конечном итоге их всегда удавалось убедить дать сведения о составе семьи, кочевках, потреблении и инвентаре. «Малооленные» охотно делились информацией и о численности стада, имеющие

же большие стада старались скрыть реальное число оленей и выдавали мало-правдоподобные сведения, которые приходилось корректировать на основании косвенных источников. Особенно большие сомнения вызывали сведения, полученные от русских и зырян, — охотников и рыболовов, которые старались уменьшить свою продукцию, опасаясь обложения сельхозналогом по повышенной норме, поскольку перепись нештатно совпала с налоговой кампанией.

К весне 1927 года Уральская экспедиция завершила работу. Во время регистрации были собраны уникальные материалы по этнографии народов Северо-Западной Сибири, разработаны и применены новые методы регистрации кочевого населения, выявлены неучтенные поселения и составлены более точные карты. Приполярную перепись следует считать самой точной и полной из всех, осуществленных на территории страны до середины XX века. Демографические данные переписи были «разработаны» в сводные таблицы и в традициях мировой практики изданы на французском языке. Однако большая часть первичных материалов Приполярной экспедиции осталась лежать в пыли

архивных полок, многие до сих пор не обнаружены, что-то исчезло навсегда. В 1930-е годы перепись жестко критиковали за отсутствие классового подхода, поэтому хранить ее не представлялось целесообразным.

Подвиг участников Уральской экспедиции до сих пор не оценен по достоинству. Между тем многие из них трагически закончили свою жизнь. Р. П. Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, в 1937-м была арестована по сфабрикованному обвинению за «участие в контрреволюционной кадетско-монархической организации» и 7 декабря 1937 года расстреляна в Новосибирске.

Н. А. Котовщикова* также продолжила этнографические исследования на Севере. В середине июня 1929 года погибла на мысе Хэй-Сале на побережье пролива Малыгина. Судьбы многих других регистраторов еще предстоит узнать.

*О Наталье Котовщичевой см. «Родина». № 9. 2005.

Исследование проводилось в рамках проекта «Archival Transcripts», поддержанного Британским советом по гуманитарным исследованиям, грант № B/RG/AN9129/APN16283.

Примечания

Статья написана по документам ГАСО (Ф. 1812. Оп. 2. Д. 181. Папки 3, 4).